

ТОЛЕРАНТНОЕ ОТНОШЕНИЕ К «ДРУГОМУ» В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ ПОЛИЭТНИЧНОГО РЕГИОНА¹

А.П. Романова
(Россия, г. Астрахань)

Статья посвящена специфике отношения к другому в поликультурном регионе и проблеме формирования системы толерантных отношений в молодежной университетской среде статье показана деформация системы межнациональных отношений под воздействием неконтролируемых миграционных процессов.

The article is devoted to the specifics of the relationship to the Other in a policultural region, and the problem of building of tolerant attitudes in the university environment. The article shows the deformation of the system of international relations under the influence of uncontrolled migration.

Ключевые слова: толерантность, чужой, традиции, молодежь, глобализация, воспитание, мультикультурализм, поликультурность.

Key words: tolerance, the other, tradition, youth, globalization, education, multiculturalism, policultural region.

О толерантности много говорят и пишут, особенно в последнее время в связи с трансформацией монокультурных государств в мультикультурные, что создало ситуацию перманентной конфликтогенности в современных крупных европейских и российских городах.

Особенно остро эта проблема стоит в мультикультурных регионах, которыми стали практически все крупные города-миллионники и где она выражена в противодействии мультикультурализации со стороны правых и националистически ориентированных группировок, проявляющих себя, прежде всего в избиении гастарбайтеров и иностранных студентов восточного происхождения. Молодежная среда в большинстве случаев становится питательным бульоном для проявлений агрессии и нетерпимости.

Теоретической основой для такого поведения становится некая расплывчатость и двойственность самого термина – «толерантность». Толерантность (от лат. *tolerantia* – терпение) обозначает терпимость к чужим верованиям, мнениям, поведению [1]. К термину толерантность высказывается множество претензий. С одной стороны, толерантность позиционируют с беспринципностью, с допущением всего и вся. «Несмотря на внешнюю привлекательность упаковки, – пишет один из националистически ориентированных авторов, – толерантность – нечто воистину грязное и разрушительное. Толерантности требуют геи и лесбиянки, наркоманы и педофилы, насильники и маньяки... Плюрализм, скрывающий под маской толерантности чело-веконенавистническую злобу, ставя во главу угла право личности на автономию, не только не утверждает ее, но напротив – отвергает индивидуальный образ как таковой. Ведь ради утверждения субъекта в его автономности, приносится в жертву личность, человеческий образ» [4].

Такое отрицательное понимание термина дает теоретическую платформу для правых сил в обосновании их практических действий по отношению к лицам, позиционируемым с другими конфессиями и национальностями, не являющимися коренными для данного мегаполиса. Поскольку толерантность для них – это терпимость к любым проявлениям инаковости, подчас криминальным, и отождествляется с официально поощряемой вседозволенностью, то и само понятие становится неприемлемым.

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект 2010-12. 10-03-00643а «Чужой и культурная безопасность».

Как реакция – возникает нетерпимость не только к криминальной инаковости, но и к инаковости вообще.

Такие проявления становятся возможными, поскольку термин толерантность подразумевает определенные границы. Это было обозначено уже в концепции Дж. Локка. Во-первых, толерантность нельзя было проявлять к тем, кто угрожал власти, обеспечивающей правопорядок, а во-вторых, толерантность не распространялась на атеистов.

Поскольку толерантность – термин прежде всего политический, то не возможна безграничная толерантность по отношению ко всему. Причем ее границы меняются, и действительно, всегда кто-то стоит за ними. Другой вопрос: кто вправе обозначать эти границы и решать, кто находится за ее пределами, а кто – нет?

Другие претензии к термину толерантность выражены в позиции А. Верховского, утверждающего, что религиозная толерантность понимается чаще не как толерантность к взглядам, вере и поведению конкретного человека или группы людей, а как толерантность к самому вероисповеданию, по аналогии с тем, как межрелигиозные отношения понимаются в первую очередь как взаимоотношения больших религиозных организаций или даже религий в целом. Отсюда боязнь принудительного насаждения толерантности [2]. По сути своей вторая позиция есть парафраз первой, но только в несколько ином, более узком контексте. В любом случае очень трудно говорить о толерантности только в контексте взаимоотношения глобальных организационных единиц. Толерантность, прежде всего, – характеристика личностная и ее проявления очень индивидуальны и зависят от многих факторов. С нашей точки зрения, невозможна толерантность межличностная без принципиальной толерантности как позиции – с одной стороны, на уровне государства, с другой – на уровне личности. Такая изначальная принципиальная толерантность обусловлена и высоким интеллектуальным уровнем личности, и исторически сложившимися культурными особенностями среды и т.д.

Восприятие термина «толерантность» в молодежной среде тоже проявляется по-разному, поскольку историко-культурный ландшафт города или региона, традиции многовековой совместной жизни, так или иначе влияют на отношение к представителям других этносов, культур, социальных страт и т.д.

Современный мир с одной стороны, стремится к некоей усредненности, унифицированности, коммуникативному единообразию. Не сложившийся проект эсперанто автоматически заменил английский язык, европейский дресс-код принят на официальном уровне в большинстве стран мира. Наличие Интернета логически оформляет процесс глобализации.

В глобализирующемся мире базовой моделью становится мультикультурная, хотя в определенных ситуациях мультикультурализм превращается в государственную политику. Мультикультурных моделей уже сложилось немало: американская, канадская, европейская, австралийская, азиатская и т.д. Но мультикультурализм – это явление эпохи глобализации, когда нерегулируемые миграционные потоки превратили западные мегаполисы в многокультурные образования в течение достаточно короткого времени. В мультикультурном образовании, где каждый этнос существует обособленно, поддерживая свои традиции с очень четкой гранью между «своими» и «чужими», происходит капсулирование пришлых этносов, их замыкание в себе как реакция на глобализационные процессы и чужеродность принимающего этноса.

Однако, наряду с мультикультурализмом, с нашей точки зрения, одной из моделей культуры глобализирующегося мира продолжает оставаться поликультурализм. На западе эти термины рассматриваются как синонимы. Мы считаем, это не совсем правомерно. Поликультурность – это исторически, веками сложившаяся многокультурность, с разделением зон экономического влияния, устоявшейся системой культурных связей, основанных на принципах толерантного отношения к «чужому» как к «другому», взаимопроникновении культур от семантического, до институционального уровня. Такой принцип сосуществования являлся единственно возможным для выживания приграничных областей при отсутствии автохтонного населения.

Полиэтничный юг России, на протяжении многих тысячелетий аккумулирующий различные этнические традиции и модели, на базе разнообразных культурных этнических парадигм, обогащенных и дополненных новыми элементами, сформировал богатейшее культурное наследие, в том числе и в плане межэтнических коммуникаций, которое пока фактором активного развития экономики не является.

В полиэтничной, и поликультурной среде, каковой является Астраханская область, где проживает более ста этносов и исторически сложились три мировые религии, традиции совместного мирного сосуществования имеют многовековую историю.

Однако миграционные процессы последних десятилетий постепенно превращают поликультурную ситуацию в мультикультурную.

Поликультурализм – модель, основанная на исторически сложившемся способе совместного существования, где разделение труда и экономических зон представляет собой систему «пазлов», все трудовые рынки определенным образом зафиксированы еще с исторических времен, а народы не просто безлично терпимы к представителям другой культуры, а в течение веков выработали некие миксты, являющиеся синтезом различных культурных традиций. Межнациональным языком общения был русский язык. Были районы компактного проживания отдельных наций, как, например, татар в Астрахани. Но они не представляли собой ярко выраженных закрытых общностей. Это не были зоны *no go*. Что бы выжить, все этносы принимали общие правила игры, в основе которых лежало принятие другой нации как равной. И это позволяло и позволяет им сохранять статус кво.

Такая модель является альтернативой мультикультурализму и западной политкорректности. В рамках поликультурализма формируется отношение к культурному наследию других этносов, исконно проживающих на данной территории, как к генетически своему.

Мультикультурность – явление более позднее. У него нет исторических корней. Оно связано с современными экономическими процессами и волнами мигрантов из Азии в Европу в поисках работы или спасения от локальных войн. Такой процесс был изначально обозначен официально декларированной толерантностью принимающей стороны (как, например, во Франции), основанной на сознании «исторической вины за колонизаторскую политику». Однако пришлые этносы, набирая критическую массу, становились все более капсулированными и отказывались принять правила и традиции принимающей стороны. В определенной степени такая капсулированность стала питательной средой для молодежных бунтов в Европе.

Россия никогда не оставалась в стороне «от столбовой Европейской дороги». Мультикультурные тенденции проникли не только в крупные российские мегаполисы, но в регионы. На Юге России в последнее десятилетие встает вопрос о соотношении традиции и инновации. Происходит столкновение двух моделей на изначально поликультурной территории. Так, последние двадцать лет Юг России стал чрезвычайно привлекательной площадкой для мигрантов из стран Средней Азии и беженцев с Кавказа.

Новые мигранты, представители которых уже в небольших количествах (до 1 % жителей территории у отдельной этнической группы), проживают на территориях Юга России, в том числе в Астраханской области, увеличивая массу населения своих этнических групп и не принимая ранее принятых стереотипов проживания, превращают их в замкнутые диаспоры, позиционирующие в определенной степени себя другим этносам.

Произошло нарушение традиционно сложившегося паритета этносов и культур, мигранты вклинились в сложившееся разделение экономических зон, в традиционные взаимоотношения этносов. Общее увеличение мусульманского населения привело к усилению исламской атрибутики в культурном ландшафте Юга России. Так, например в наиболее ярко выраженном поликультурном регионе Юга России – Астрахани, на начало XX века по данным статистического губернского комитета проживало в среднем: 66 % христиан, (в том числе православные, католики, протестанты, православные сектанты); 25 % буддистов; 8 % мусульман. Во всем мире на

1900 г. соотношение основных мировых религий представляло приблизительно следующую картину [5, с. 11–113]: христиан – 34 %; мусульман – 13,3 %; буддистов – 7,7 %. На 2000 г. это соотношение несколько изменилось: христиан – 33% (причем половина приходится на католическую церковь, где абсолютная численность прихожан выросла почти в 4 раза за последнее столетие); мусульман – 19,6 %, буддистов – 5,8 %, неверующих – 20 %. В Астрахани пропорции на начало XXI века следующие: христиан – 30 %, мусульман – 25 %, буддистов – 1 % и около 40 % неверующих [3]. В этой изначально сбалансированной полиэтничной системе мы видим значительный прирост мусульманского населения за счет мигрантов из средней Азии и Кавказа.

Социологические исследования, проведенные на Юге России в последние годы, показали, что при вполне доброжелательном отношении к традиционно существующим на данной территории культурам в среде молодежи начинает формироваться негативное восприятие культурных матриц мигрантов последней волны, что может в перспективе разрушить хрупкий культурный баланс. Постепенно складывается культурное противостояние, однако не по религиозному или этническому принципу, а по принципу «свой» как представитель традиционно проживающего на данной территории этноса, вне зависимости от его религиозной принадлежности, и «чужой», вновь прибывший.

Интеллектуальный потенциал мигрантов не очень высок, поскольку большая часть национальной интеллектуальной элиты остается на родине, или, как в случае с Чечней, возвращается домой при первой же возможности. А поскольку толерантность во многом напрямую зависит от уровня образования и культуры личности, то мультикультурная ситуация чревата интолерантностью. А поскольку мультикультурализация – это процесс, который уже невозможно остановить, то повышение образовательного, а, соответственно, и культурного уровня коренного населения и мигрантов является одним из возможных способов сохранения толерантности. На данный момент, как нам кажется, в отсутствие общей системы воспитания и единой идеологии единственно возможной площадкой воспитания толерантного отношения к другому становится университет.

Социологические исследования уровня толерантности и конфликтогенности университетской среды через восприятие «чужого» весной 2010 г., проведенные нами в молодежной среде Астраханского государственного университета, одного из крупнейших на юге России и традиционно воспроизводящего систему поликультурного воспитания, дали интересные результаты.

Астраханский государственный университет на данный момент представляет собой интересную площадку для изучения восприятия «другого», поскольку, кроме представителей региональных этнических групп, в университете обучаются студенты из Калмыки, Дагестана, Чечни, иностранцы из ближайших стран: Казахстана, Узбекистана, Азербайджана, Китая, Ирана. Процесс естественного вхождения в среду «других» заставляет большинство студентов определенным образом формулировать свои отношения к представителям других этносов.

Надо отметить, что более трети студентов (35,9 %) воспринимают толерантность классически, как *терпимость* к другим этносам, религиям, традициям, обычаям. Однако сам термин «терпимость» подразумевает фактор терпения и нейтралитета. И только 13,7 % под толерантностью понимают *уважение* к другим нациям и культурам. Для 3,8 % – это глобальная гуманность и человечность. Для 14 % толерантность – это совокупность позитивных характеристик личности, таких как воспитанность, справедливость, вежливость, интеллигентность, доброта, дисциплинированность, терпеливость, тактичность, дружелюбие, вплоть до галантности. И только 4 % определили толерантность через негативные характеристики (терпимость к негативным явлениям, равнодушие и трусость). Затрудняются дать определение термину толерантность 16,8 %.

В целом социологический опрос показал, что в большинстве своем студенты адекватно воспринимают понятие толерантности и настроены вполне миролюбиво по отношению к представителям других этносов и конфессий. 41,3 % обращают внима-

ние на национальную принадлежность своего окружения, но 74,8 % не испытывает на себе недоброжелательного отношения из-за своей национальности и практически почти столько же (77,8 %) не испытывают трудностей в общении с представителями другой нации.

Практически все народы, проживающие в Астрахани, вызывают у респондентов симпатию и интерес. Это прежде всего наиболее многочисленные народы – русские (у 41,5 %), казахи (у 14,6 %) , татары (у 16,1 %). Правда, здесь надо сделать поправку на то, что это наиболее репрезентативно представленные в выборке этносы. Русских – 49,7 % от общего числа респондентов, казахов – 22,9 %, татар – 8,4 %.

Уровень толерантности университетской молодежи достаточно высок и традиционен. Только 1,5 % обозначили как «чужого» представителя другой религии, 7,6 % – представителя другой национальности. Представители другой социальной страты (бомжи и олигархи и т.д.) олицетворяют собой «чужих» только для 15,3 %. Для большинства же «чужие» – либо иностранцы (35,9 %), либо представители другой сексуальной ориентации (50,4 %).

Однако, несмотря на принципиальное невосприятие представителя другой этнической группы как «чужого» у большинства респондентов, есть все же определенный негативизм к представителям ряда этносов. Так, не желают иметь общие дела с представителями Кавказских республик – 43 % респондентов, с евреями – 12 % , с цыганами – 9 % . Отрицательное отношение к представителям Кавказских республик почти у половины опрошенных связано в основном со второй волной миграции и с их капсулированием и достаточно агрессивным поведением в молодежной среде.

Рассчитывая типы этнической идентичности по методике, разработанной Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой, позволяющей диагностировать этническое самосознание и его идентичность, мы пришли к выводу, что только 1,5 % опрошенных показали высокий уровень этнонигилизма, 15,3 % показали высокий уровень этнической индифферентности, высокий уровень этноэгоизма показали 0,8%, и такой же процент этнофанатизма. В основном средний показатель – это норма.

Так стоит ли успокаиваться и почивать на лаврах? Во-первых, надо учитывать тот факт, что университетская среда – это особый мир, с высоким интеллектуальным уровнем его обитателей, с особой системой ценностей и корпоративной культурой. Вся, во многом классическая, система российского университетского образования и советского воспитания была нацелена на формирование интернационалистического мировоззрения. Даже при отсутствии специальных программ и институтов эта система по инерции работает. Но университетская среда формирует в основном будущую элиту и управленческий персонал. Большая же часть молодежи остается за стенами высших учебных заведений и это уже совсем другие «университеты», с игрой на выживание. И там могут формироваться совсем другие стереотипы отношения к другим.

Библиографический список

1. *Большой энциклопедический словарь*. – М., 1987.
2. *Верховский, А.* Религиозная толерантность между уголовным законом и общественной полемикой / А. Верховский. – Режим доступа: <http://sova-center.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. *Викторин, В.* «Астраханский мир»: прежние и новые грани межэтнического единства и сотрудничества / В. Викторин, Э. Идрисов // Астраханские известия. – 2004. – № 5.
4. *Гараджа, Н.* Толерантность: принцип тоталитарного плюрализма / Н. Гараджа. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. *Тульский, М.* Изменение религиозной принадлежности населения мира за последние 100 лет / М. Тульский // Россия и мусульманский мир. – 2001. – № 3. – С. 111–113.